

© 2002 г.

Л.С. КЛЕЙН. «Анатомия "Илиады"». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 560 с.

Интерес интеллигентного сообщества в России к гомеровскому вопросу (в том числе к историчности сказаний о Троянской войне и т.д.) достаточно велик. Между тем изданий на русском языке на эту тему пока что не слишком много, и поэтому практически каждая книга по данной проблематике, появляясь в нашей стране, неизбежно влияет на представление читателей о состоянии мирового гомероведения – тем более, если она принадлежит такому автору, каким является известный археолог Л.С. Клейн. Однако такой читатель, небезразличный к гомеровскому вопросу, должен сразу же отдать себе отчет в том, с какой именно гомероведческой традицией он имеет дело в «Анатомии "Илиады"», чего вправе ждать от этого труда и какие требования предъявлять к нему. Дело в том, что труд, суммирующий многочисленные публикации прежних лет, дает повод для серьезного недоумения.

На первых же страницах Клейн объявляет себя приверженцем школы М. Пэрри, отстаивающей идею о том, «что Гомеровский эпос по происхождению – фольклор, запись устного творчества народных певцов» (с. 3). Он претендует на подход к «Илиаде» с позиции фольклориста, уверяя нас, что методами «классического языкознания и литературоведения гомеровский эпос наиболее изучен, препарирован и откомментирован, а вот как раз подход к нему со стороны фольклористики только начинается» (с. 2). Можно бы спросить – не долгой ли он «начинается», уже имея в своем активе работы М. Пэрри, А. Лорда, Д. Пейджа, В.М. Жирмунского, С. Боура, А. Хойбека, Х. Чэдвика, Р. Карпентера, а также С.Я. Лурье, И.И. Толстого, О.М. Фрейденберг, В.И. Абаева и многих еще¹? Но существует другое. Клейн вольно или невольно вводит читателей в заблуждение. Последователи М. Пэрри и А. Лорда, ознакомившись с «Анатомией "Илиады"», никогда не примут ее автора за своего по очень серьезной причине: после фундаментальных работ Лорда по балканским эпическим певцам, подкрепленных затем множеством исследований мирового фольклора, эта школа исходит из того положения, что устное сказительство не знает строго фиксированного авторского текста. Фольклорист работает с записями устного эпоса как с проявлениями компетенции сказителей, каждый раз импровизирующих заново свои повествования, исходя из привычного набора эпитетов, формул, метрических схем, традиционных образов и аксессуаров, устойчивых фабульных блоков и т.п. Как блестяще сформулировал один из крупнейших российских представителей этой школы П.А. Гринцер, «проблемы авторства, оригинала, интерполяции, точной датировки того или иного памятника или какого-то определенного слоя в нем – это проблемы письменной литературы. Устный эпос не знает ни автора в обычном понимании этого слова, ни твердо установленного текста, ни отделенных непроницаемыми барьерами

¹ Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse Making // Harvard Studies in Classical Philology. 1930. 41; 1932. 43; Лорд А. Сказитель. М., 1994; Lord A. Tradition and the Oral Poet: Homer, Huxo and Avdo Medjedović // Atti del convegno internazionale sul tema: la poesia epica e la sua formazione. Roma, 1970; Page D.L. Folk Tales in Homer's Odyssey. Cambr., 1973; Bowra C.M. Heroic Poetry, L., 1952; Chadwick T.M. The Heroic Age. Cambr., 1976; Carpenter R. Folk Tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics. Berkeley – Los Angeles, 1956; Heubeck A. Betrachtungen zur Genesis des homerischen Epos // Gilgamesh et sa légende. P., 1960; Толстой И.И. Аэды. М., 1958; Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1998; Лурье С.Л. Дом в лесу // Язык и литература. VIII. Л., 1932; Жирмунский В.М. Эпические сказания об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия АН СССР Оля. 1957. Т. XVI. Вып. 2; Гиндин Л.А. Ритуально-мифологический смысл десятой песни «Одиссеи» // Balkanica. M., 1979.

редакций»². У Клейна все по-другому: его постулируемые «народные певцы» оперируют набором затвержденными песенными массивами в тысячи стихов, склеивают их, контаминируют различными редакциями, делают перестановки, вставки и пропуски – и накрепко, слово в слово и стих в стих, как компьютер, запоминают и передают преемникам все, что при этом получается.

К тому же Клейн прибегает к категориям, сугубо чуждым фольклорному эпосоведению, когда, смешивая понятие «устного творчества» с идеей «массовой культуры» в духе XX в., рассуждает о том, как «Гомеровский эпос, с его развернутыми сравнениями и тонкими психологическими наблюдениями, явно поднимается над уровнем массового творчества, отражает высокую профессиональную специализацию и индивидуальность певцов и стоит на границе литературы» (с. 7). Читателям лордовского «Сказителя» хорошо ведомо, что высочайшая «профессиональная специализация» устных певцов вроде боснийского Авдо Меджедовича отнюдь не ставит их «на грань литературы», так как предполагает виртуозное владение техникой импровизаций, но не создание и трансляцию фиксированного текста. Клейн нигде не обнаруживает понимания этой разницы, а потому совершенно напрасно притязает на принадлежность к традиции Пэрри-Лорда. Он вовсе не фольклорист, а просто очень поздний гомеровед-аналитик, представитель того подхода, который именно в классической филологии процветал на протяжении XIX и первой трети XX в., но безнадежно захирел к нашим дням, заглушенный конкуренцией «линии Пэрри-Лорда» и «линии Шадевальдта», ученых видящих в «Илиаде» свод записанных кем-то импровизаций, и тех, кто настаивает на единстве замысла поэмы. Это место Клейна в гомероведении очень наглядно прослеживается по его гомероведческой библиографии, где абсолютно преобладают многочисленные ссылки на работы, вышедшие до Второй, а по большей части еще и до Первой мировой войны. Голосов последнего 50-летия в «Анатомии "Илиады"» звучит очень немного, а среди них единомышленников автора буквально единицы. Само по себе это ему не в упрек. Следовало бы, напротив, поблагодарить Клейна за напоминание о парадигме, определявшей перипетии гомероведения в золотой век классической филологии, особенно немецкой, если бы он не брался рядиться в «фольклориста» и зачем-то нападать на «филологов-классиков» в книге, исследующей «Илиаду» их же старыми методами, приложенными *par excellence*, – тут полностью прав П.А. Гринцер! – к письменной словесности (успешно или нет – другой вопрос).

Основной результат работы Клейна сводится к попытке вычленил в этой поэме несколько компонентов, отталкиваясь от того общеизвестного факта, что осаждающее Илион войнство в ней обозначается тремя синонимами: чаще «ахейцами», реже «данайцами» и «аргивянами». Те песни, где «ахейцы» встречаются в три и более раза чаще, нежели вместе взятые «данайцы» с «аргивянами», Клейн классифицирует как песни «ахейские». Среди прочих «данайскими» он объявляет те, в коих «данайцев» оказывается не меньше, чем «аргивян», а прочие песни зачисляет в «аргивские». Затем он предлагает содержательную интерпретацию полученного расклада. «Ахейские» песни распадаются на две группы. С одной стороны, ряд из них оказывается в стороне от истории Ахилла, зато изобилует эпизодами, отсылающими к начальным годам войны: тут и «Каталог кораблей», и смотр Приамом с городской стены вражеских войск, подступающих к Трое, и поединки Париса с Менелаем, а Гектора с Аяксом, и моление троянок о спасении города (песни II–IV, VII, частично VI). Клейн эти части называет «сборно-ахейскими» и вслед за многими аналитиками трактует как почерпнутые из более раннего эпоса. В другую, «ахилло-ахейскую» – согласно автору – тоже весьма архаичную – группу попадают песни об изготовлении оружия для Ахилла, о его битвах под стенами Илиона и поражении Гектора, о распре Ахилла с Агамемноном и выдаче труп Гектора молящему Приаму (песни I, XVIII, XX–XXII, XXIV). К «данайским» Клейн относит песни V, отчасти VI, VIII, XI, XV и XVII, отмечая, что в первых четырех педалируется мотив подвигов Диомеда. Если бы Клейн по совершенно побочным соображениям не пожелал выкинуть из этой группы формально принадлежащую к ней также песнь XVI, он мог бы сказать: «данайским» колоритом отмечены песни о подвигах и поражении Диомеда и Патрокла. Что касается песен «аргивских», они опять-таки разделяются на «ахилло-аргивские» об умилоствлении гневного героя ахейскими посольствами, об отказе его от гнева и о похоронах Патрокла (IX, XIX, XVIII); Клейн сюда же произвольно пытается подтянуть «ахейскую» песнь I и «данайскую» песнь XVI с «Патроклией»), и на «сборно-аргивский» массив (XII–XIV, отчасти XV), представляющий страшную панораму неотвратимого наступления троянцев на ахейский лагерь. Отмечая, что во всех «аргивских» песнях «данайцы» фигурируют также достаточно часто, аналитик приходит к мысли, будто бы «данайские» песни прошли через руки певцов, сочинявших «аргивские» эпизоды и оказали на оных некоторое влияние (с. 387).

² Гринцер П.А. Древнеиндийский эпос. М., 1974. С. 14.

По нашему мнению, этими результатами, собственно, и определяется истинный интерес, который книга Клейна должна представлять для гомероведа.

Как оценить эти результаты? Прежде всего, читатель не должен позволить, чтобы терминология вводила его в заблуждение: понятия «аргивских» и «данайских» песен отражают лишь относительное стилистическое варьирование на фоне абсолютно преобладающего термина «ахейцы»: грань между предполагаемыми пластами в «Илиаде» устанавливается автором сугубо произвольно; в самом деле, почему к «ахейским» относятся песни, где «ахейцы» превалируют над вместе взятыми «данайцами» и «аргивянами» не менее чем в три раза, а не всего лишь в два? Кроме того, Клейн сам допускает (с. 436), что предлагаемое им выделение «составных частей» «Илиады» вообще-то можно было бы истолковать по-унитаристски – «как результат использования певцом-автором разных источников при сочинении поэмы». Однако, уверяет он, эти пласты настолько различны по языку и стилю, что, очевидно, «переработка поэтической ткани была незначительной». И это после того, как сам он объявил, что «данайские» песни сильнейшим образом повлияли на узус сочинителей – или сочинителя – песен «аргивских», кроме того, предположил, будто древняя «ахейская» Ахиллеида, якобы еще не знавшая истории Патрокла и посольств с умиловительными дарами, оказалась лингвистически сплошь «перелыхана» внедрением относительно позднего варианта имени героя Ἀχιλλεύς с негеминированной лямбдой (с. 382). Как же после этого говорить, что «переработка незначительна»?

Мы бы интерпретировали результаты Клейна таким образом: создатель поэмы о страшных последствиях гнева Ахилла для ахейского воинства несомненно использовал, сильно модифицировав и стилистически доработав, старое сказание о распре героя с Агамемноном, а заодно и известную ему традицию песен о побоище, учиненном Ахиллом под стенами Илиона («ахейскую Ахиллеиду»), во многом сохранив ее стилиевой колорит. Кроме того, будучи увлечен, как отметил еще Аристотель, оригинальной идеей – интегрировать под знаком идеи «обреченного победителя» широкую картину десятилетней великой войны, поэт ввел в него ряд известных ему эпизодов, отсылающих к ее начальным годам. На каком-то этапе он решил обогатить поэму двумя большими ходами-ретардациями: на поле битвы поочередно выдвигаются могучие «двойники» Ахилла–Диомед, затем Патрокл. Каждый из них сперва добивается успеха, а после терпит поражение, так что гибель Патрокла поневоле «вытаскивает» Ахилла на войну.

Именно этот этап работы поэта оказался отмечен интенсификацией «данайского» колорита, который, возможно, отличал какую-то более раннюю использованную Гомером «Диомедию» и был им распространен также на сочиняемую «Патроклию»³. Вслед за тем – или одновременно, создавая сцены сперва безуспешного, а затем удачного посольства ахейцев к сыну Пелея, поэт их связал с картиной поражения греков, прорыва троянцев к ахейскому стану и поджога кораблей. Наконец, он увенчал свою эпопею похоронами Патрокла и заключил рассказом о приходе Приама к шатру Ахилла, вероятно, тоже почерпнутым у предшественников, но адаптированным так, что она накрепко замкнула «Илиаду», образовав многократно обсуждавшееся в литературе зеркально-симметричное отражение начальной песни. Свидетельством интенсивной сюжетной доработки поэтом заимствованного материала, помимо прочего, мы считаем характерный прием «семантического анаграммирования», когда инкорпорируемые «сборно-ахейские» эпизоды, а также перипетии «Диомедии» насыщаются мотивами, отсылающими к вынесенной за грань «Илиады» сцене гибели Ахилла от стрелы, сообщая посланной ему в пяту Парисом и Аполлоном. Такое анаграммирование мы видим в сценах вероломного выстрела Пандара в Менелая – с молитвой к Аполлону и в угоду Парису (IV. 90 сл.); в последующем его же выстреле в Диомеда – «заместителя» Ахилла (V. 95 сл.); наконец, в ситуации, когда ногу Диомеда простреливает, выводя героя из борьбы, сам Парис (XI. 369 сл.)⁴. Так унитарист мог бы себе представить процесс создания «Илиады», опираясь на наиболее достоверные моменты работы Клейна.

К сожалению, значительная часть книги не способствует тому вполне заслуженному интересу, который могли бы вызвать очерченные результаты автора. В одном месте Клейн упрекает Э. Бете за то, что многие его «выводы держатся только на длинной цепочке... рассуждений, в звеньях которой постепенно накапливается гипотетичность: в каждом звене дальнейшее следование по цепочке является все менее необходимым» (с. 200). Однако сам Клейн гораздо в большей мере, чем Бете, достоин этой же прискорбной констатации. Первым

³ См. Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // *Азия – диалог цивилизаций*. СПб., 1996. С. 297–321.

⁴ Erbse H. Betrachtungen über das 5. Buch der Ilias // *Rheinisches Museum*. 1961. Bd 104. S. 104; Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья, М., 1996. С. 30.

сомнительным ходом автора оказывается стремление по аналогии с синонимией «ахейцев», «данайцев» и «аргивян» рассматривать термины «Троя» и «Илион» как два варианта названия осаждаемого города в эпосе, да затем еще истолковать их как изначально имена двух совершенно разных, лежащих в отдалении друг от друга и почему-то вторично совпавших в сказаниях, городов, а после установить некую корреляцию между формами из этих двух (этнонимической и топонимической) групп. С корреляцией у автора получается плохо: в одних «ахейских» песнях чаще встречается «Троя», в других – «Илион», а для того, чтобы декларировать преимущественную увязку «данайцев» с «Илионом», а не с «Троей», Клейн как раз и идет на выбрасывание из числа «данайских» песен явно принадлежащей к ним по первоначальным подсчетам «Патроклии», изобилующей упоминаниями о «Трое». А главное – над всеми построениями такого свойства угрожающе нависает стандартное словарное определение, по которому «Илион» – это город, а «Троей» может быть и город, и окрестная страна. Не так давно один из авторов данной рецензии попытался перепроверить это определение, составив те значения, которые в «Илиаде» способны нести одни и те же падежи каждого из этих двух терминов. Выяснилось следующее. Только о «Трое» (никогда об «Илионе») часто говорится, что ахейцы уйдут из нее или будут изгнаны, не овладев городом; или что они «погибнут» либо «будут истлевать» в «Трое», но никогда не в «Илионе». Напротив, сражающиеся герои всегда гибнут «в преддверии Илиона», а не «Трои», с поля боя троянцы и их союзники всегда скрываются в «Илион», никогда не в «Трою». Позициями нейтрализации оказываются контексты, где ахейцы плывут в «Трою/Илион» или где говорится, что они захватят «Трою/Илион», или какие-нибудь персонажи прославляются как «лучшие в Трое/Илионе». Двусмысленность создается применением как к «Илиону», так и к «Трое» эпитетов, указывающих на «высокие городские стены» или «высокие башни», приложимых вполне и к городу-столице и к стране (εὔπυρος, εὐτείχεος), а также величание Трои неоднозначным по сути своей эпитетом εὐρύθυα, способным обозначать как «широкие улицы» города, так и «широкие дороги» страны. Анализ обнаружил, что лишь два раза в «Илиаде» слово «Троя» однозначно относится к городу и оба эти случая тесно привязаны к критическим моментам в гомеровском сюжете, когда под началом сперва Патрокла, потом Ахилла «вот-вот бы и взяли высоковратную (ὑψηλὸν) Трою сыны ахейцев» (XVI. 698; XXI. 544). Таким образом, на уровне стандартных клишированных контекстов, которые вполне могли быть почерпнуты Гомером из традиции, «Илион» – всегда «город», и нет случая, где «Троя» не могла бы восприниматься как «страна». Зато на уровне собственно гомеровского дискурса (организующего сюжет «Илиады») прорезается восприятие «Трои» в смысле «города», синонима к «Илиону», потом закрепляющееся в «Одиссее» (IV. 146; XIV. 469)⁵. Кстати, Клейну работа, содержащая этот результат, была хорошо знакома, но он по ее поводу заметил только то, что она «направлена прямо против его выводов», никак не оспорив ее аргументы по существу (с. 29). Между тем, она корректирует, но вместе и подкрепляет то обычное словарное определение рассматриваемых терминов, которое делает «троянско-илионский» раздел в книге Клейна избыточным, затемняющим более важную «этнонимическую» линию. При этом манипуляции, к которым автор прибегает, скажем, в случае с «Патроклией» для согласования «этнонимического» и «топонимического» индексов оказываются столь же ненужными, как и сам последний индекс⁶.

Второй и более серьезный просчет книги состоит в следующем. Клейн с самого начала справедливо признает, что стремление старых аналитиков расчленить «Илиаду», опираясь на противоречия и неувязки в ее тексте, не привели к успеху, лишь спровоцировав унитариев на

⁵ Цымбурский В.Л. «Миры» терминов «Троя» и «Илион» в гомеровском эпосе // Комплексные методы в исторических исследованиях. Тез. докл. и сообщ. научного совещания. М., 1987; Гиндин, Цымбурский. Гомер... С. 99 сл.

⁶ Клейн ссылается на хеттский текст KUB XXIII, 11, где рядом упоминаются тождественные Илиону и Трое названия «Вилусия» и «Труиса» (KUR URU Wilušiya KUR URU Tr(a)ruiša) как на доказательство того, что в эпоху Хеттского царства это были два разных города (с. 44 сл.). Но это заключение неверно уже потому, что в хеттских текстах нередко появляются двойные названия для стран, состоящих из более чем одной области. Например: (KUR URU Mira KUR URU Kuwaliya «страна Мира (с областью Кувалия)»; KUR ID Seha KUR URU Arawiya «страна реки Сеха (с областью Абавия)», см. Гиндин, Цымбурский... С. 99. Поэтому не исключено, что в XIII в. до н.э. Вилусия и Труиса могли представлять одно царство со столицей в Вилусии-Илионе. Остается загадочным то место в «Илиаде» (I. 71), где Калхант приводит дружину Ἰλίου ἐῖσω (букв. «в середину Илиона»). Думается, здесь все-таки не архаизм, а «словосочетание по неправомерной аналогии с синонимией иных конструкций, передающих значение «плыть в Трою/Илион»» (там же, с. 103), вероятно, инспирированное тем обстоятельством, что в этом стихе топоним приходится на пятую, предпоследнюю стопу гекзаметра, где спондей, который бы получился при Τροίην, достаточно редок.

встречную игру в нескончаемое оправдание и оспаривание тех или иных преподносимых их оппонентами «неувязок» (с. 8). Однако он полон оптимистической уверенности, что в рамках предложенного им разделения по этнонимическому признаку могут получить оправдание чуть ли не все старые или новые аналитические спекуляции, даже вовсе не связанные с этим разделением по существу. А поэтому описание выявляемых им пластов эпоса оказывается перенасыщено бесконечными изъятиями, перестановками, вставками и относительными датировками по совершенно произвольным поводам.

Приведем примеры. С. 115: В VIII и XV песнях, в обоих случаях «Тевкр сражается близ Аякса, метит в Гектора, но божество отклоняет стрелы и лишь возница противника погибает... Слишком похоже для случайного совпадения и слишком по-иному выражено для намеренного повторения». Какими критериями, кроме чисто вкусовых, руководствуется автор, произнося это «слишком»?

С. 116: в песнях XI и XVII то Аякс Менелая, то Менелай Аякса просит о помощи. «Одни и те же ситуации, одни и те же просьбы. Непохоже на намеренный повтор: перегрузка. Просто один и тот же набор средств, применяемых в текстах созданных одним автором». Значит, для намеренного приема это «перегрузка», а для туповатого самоповторения – в самый раз?

С. 133. Речь заходит о популярных в памятниках искусства VIII в. до н.э. и упоминаемых в «Илиаде» (XXIII. 648–652) пилосских героях – близнецах Молионах. «Если бы популярность Молионов продолжалась ко времени формирования "Илиады", то их бы включили в "Илиаду" как основных участников. Но так как они вошли в "Илиаду" лишь на заднем плане... это значит, что те пассажи "Илиады", которые содержат такие ссылки, созданы не ранее VII века». Откуда уверенность, что всех знакомых и популярных героев любых мифологических эпох певцы в знак любви к ним должны были скопом собрать под Троей?

С. 298. Клейну вслед за П. Кауэром непонятно, зачем Гектору, надевшему волшебные доспехи Ахилла, переполняться силою (XVII. 211 сл.), коль скоро у него уже был шлем, подаренный Аполлоном (XI. 352–353). «Ясное дело» – натягивание доспехов тут представляет какую-то вставку!!! Для других читателей такой вывод мог бы оказаться совершенно не очевиден.

С. 311. В монологе Гектора из XXII песни (99–130) готовность к битве сменяется мыслями о сдаче на милость противника. «Такой поворот монолога выглядит неестественным для героя, особенно – для эпического героя» и должен быть из текста выкинут. Не знаем, многих ли Клейн убедил подобным доводом.

Наиболее эффектен пассаж на с. 393, посвященный V песни – «Диомедии». «То все герои-ахейцы один за другим убивают бегущих противников, то пеший герой одну за другой низвергает пары противников, стоящие на колесницах, то просто перечисляются все убитые одним героем – неужели все это разные манеры одного автора? Непохоже». Неужели убедительным доказательством единого авторства для Клейна могло бы послужить лишь монотонное повторение одного и того же приема, – особенно такое, которое и для сознательного педалирования было бы явной «перегрузкой»?

Немыслимо в рецензии перечислять десятки подобных же поворотов мысли, которыми переполнена «Анатомия "Илиады"». Но вот случай, прямо-таки лезущий в глаза, поскольку сам автор придает ему в рамках книги методологическое значение. На с. 61 он выстраивает хронологическую шкалу, будто бы позволяющую датировать время «внедрения образов в эпическую ткань» по степени их оснащенности постоянными эпитетами. Имеем: 18% – «не ранее IX в., а скорее – намного позже, но не позднее VII в.»; 32% – «не раньше начала тирсенских набегов с Лемноса на Аттику» (?); 47% – «не раньше XIII в. до н.э. и, возможно, не намного позже». Откуда все эти проценты и даты? 47% – это присутствие постоянных эпитетов при имени Александра-Париса, за которым, как предполагается, стоит царек Алаксандус, правивший в Вилусе-Илионе в конце XIV в. до н.э. А что такое 32%? Это оснащенность названия Трои. Объявив ее другим городом, нетождественным Илиону и не найдя для такого города места в Троаде, Клейн предлагает поискать ее за пределами этого региона, скажем, – на Лемносе, в древности населенном тирсенцами, предками этрусков, оставившими там памятники своего языка – знаменитую Лемносскую стелу. Название эпической Трои, оказывается, передает ту же основу, что в имени тирсенов (Τυρσηνοί) и этрусков, или тусков (Tusci <*Turs-iko-), только по-иному, «устраняя труднопроизносимое начальное tr-» (с. 52). «Городом Троей» из греческого эпоса Клейн полагает лемносское поселение Полиохни, погибшее еще в XVI в. до н.э., задолго до появления микенских греков в Малой Азии, но, видно, каким-то образом уцелевшее в памяти народной. Доказательств тому в книге два. Во-первых, как мы помним, Троя два раза названа у Гомера «высоковратной» – ὑψηλότρος, а на Лемносе мифы знают некую царевну Гипсипилу (заглянул бы наш автор в энциклопедию Паули-Виссова – сколько бы он еще нашел Гипсипил

в греческой мифологии!). Во-вторых, «идентификация исторической Трои с Полиохни на Лемносе... это наиболее реалистичный вариант старой и устойчивой гипотезы о происхождении этрусков от троянцев (с. 59).

Если оставить тень Гипсипилы в покое, можно сказать лишь одно: никакой гипотезы о происхождении этрусков от троянцев никогда в античности не было, как не было и отождествления Энея и его спутников с этрусками. Все это – спекуляции XX в., в коих особенно отличились упоминаемые Клейном Ф. Бёмер, А. Альфёльди, а наипаче В. Георгиев. Основа имени тирсенов во всех древних передачах звучит только *Turs-*, а не *Trus-* и не *Tros-*. В египетских перечнях «народов моря» XIII–XII вв. до н.э. написания *Twrwā3*, *Twrjš3* или *Tjwrš3š3* по совокупности вариантов могут отражать только звучание *турша*, а не *труша*, как у Клейна. В запасе у автора остается только поздняя латинская форма *Etruria* << **Etrusia* с необычной протезой и сближать этот вариант напрямую с названием Трои у нас нет ни прав, ни оснований. Остается еще спросить Клейна: если троянцы-тирсены жили на Лемносе, вокруг руин Полиохни, а в Троаде их не было, с какой стати греческие певцы населили этим народом и никаким иным весь этот край и всю его столицу Илион? На этот вопрос нам Клейн таинственно отвечает, что то – «особая проблема», и больше мы ни слова от него на сей счет не услышим (с. 41).

И наконец, последнее сальто авторской мысли: хотя турша-тирсенов греки-ахейцы, судя по египетским источникам, должны были знать, по крайней мере с XIII в. до н.э., когда, по Клейну, в эпос вошел и Александр-Парис с его 47-процентной украшенностью эпитетами, о «тирсенской Трое» певцы, согласно нашему автору, должны были запеть гораздо позже – во времена пеласских или, что тоже, тирсенских набегов с Лемноса на Грецию. Хотя греческие историки не дают нам никаких указаний на то, к какому веку или даже к какому тысячелетию эти набеги надо приурочить (Страбон – X. 4. 9 – считал тирсенское пиратство древнее критской талассократии), наш автор и тут нас утешает, обещая, если нужно, определить дату набегов «археологическими средствами при наличии достаточного материала» (с. 61) (не следует ли добавить к этому, что пока такие свидетельства вовсе отсутствуют). Вот и все троянские 32%, с их датировкой: любое звено этой аргументации распадается. Между тем Л.С. Клейн, высчитав, что при имени Приама встречаемость эпитетов точно такая же (32%) объявляет этот факт «коронным доказательством» того, что в отличие от «илионского» Париса Приам попал в эпос вместе с лемноско-тирсенской Троей. Кажется, сам автор упрекал Бете за то, что у него рассуждения чем дальше, тем необязательней? Но Бете – филолог, а с «фольклористов», наверное, спрос другой.

Перейдем теперь к цифре в 18%: «не ранее IX, но не позднее VII в.» – таков процент эпитетов при имени Энея, чье потомство, правившее в Троаде во времена формирования «Илиады» и гомеровского «Гимна Афродите», историки часто возводят к волне фракийцев, заселивших регион в эпоху археологической Трои VIIb2. Стало быть, предложенная Клейном дата – это эпоха Трои VIIb2. Откуда же такая хронология? На с. 21, перечисляя ученых, в разное время и по различным причинам сомневавшихся в блегеновском отождествлении Трои VIIa с «Приамовой Троей» и заверяя, что аргументы Блегена «(их было немного) нынче разрушены», он вставляет в тот же ряд скептиков немецкого археолога Хр. Подцувайта, экстравагантно завышающего датировку поздних слоев догреческой Трои, в частности, привязывающего слой VIIb2 не к XII, как большинство экспертов, а к IX в. до н.э. Сторонников у Подцувайта исключительно мало, но Клейн – из их числа. Это его право, однако оправдывается ли этим обстоятельством тот прием, к которому прибегает автор, когда, утверждая на с. 40, что «фракийцы пришли сюда только в IX в. до н.э. (по новой датировке слоя VIIb2 в Гиссарлыке)», при этом заявлению дает огульную ссылку на весь приведенный им выше перечень оппонентов Блегена? Получается, что все они, работавшие в 1960-х и 1970-х годах, оказываются приверженцами фантастически завышенной шкалы Подцувайта (предложенной в 1982 г.) как «новой датировки» (импонирующей нашему автору), хотя они об этой датировке и слышать не могли. Впрочем, чем вся эта аргументация лучше ссылок на «старую и устойчивую гипотезу о происхождении этрусков от троянцев» (впрямь старую, ибо В. Георгиеву выпала долгая жизнь, и устойчивую, ибо он до последних лет оставался верен этой идее)? Так творится клейновская хронология вхождения в эпос имен и образов с ее «коронными» и иными доказательствами. Впрочем, мы не решаемся ставить автору в вину сознательное мистифицирование читателей. Скорее приходится говорить о какой-то причудливой недисциплинированности мысли. В частности, эта черта проявляется в том, как во многих случаях автор откровенно противоречит сам себе, причем иногда этот разнобой налицо прямо-таки на соседних страницах. Вот примеры.

1. На с. 115–116, реконструируя «данайский» массив «Илиады», Клейн цитирует стихи VIII. 222–227 о крике Агамемнона с корабля Одиссея и XI. 5–10, где с того же корабля кричит богиня

Эрида. Нас уверяют: «Это не заимствование из одной песни в другую, а продолжение прерванного рассказа об Агамемноне». Переведа взгляд на с. 117, прочтем: «Вероятно, не все отмеченные связи между книгами объясняются их однородностью... Скажем, в VIII и XI песнях содержатся одинаковые описания клича с корабля Одиссея... У нас нет оснований связывать эти формулы с "данайским" комплексом»⁷. Спрашивается, какой странице верить – 116-й или 117-й?

2. На с. 119 автор видит явную неувязку в словах Диомеда (VI. 128–141) о том, что он никогда не дерзал сражаться с богами – после того, как он только что бился с тремя из них. А на с. 122 в ряду общих признаков Ахилла и Диомеда оказывается как раз соединение у того и у другого богобоязненности с богоборчеством. Так что же – видеть в автохарактеристике Диомеда неуклюжую вставку, требующую немедленного изъятия, или выражение логики образа, смоделированного по ахиллесовскому образцу?

3. На с. 351 он повторяет старую идею происхождения образа Аполлона с Ближнего Востока, ссылаясь на этимологию Грозного, возводящую имя бога к вавил. *abullu* – «ворота». Перелистнув страницу, узнаем, что и для Зевса и для Аполлона «северные индоевропейские корни обоих общеизвестны». Каковы же все-таки эти корни – «северные» или «ближневосточные», по Клейну, «индоевропейские» или «вавилонские»?

4. На с. 376 во втором абзаце сверху сказано, что по признаку соотношения форм имени «Одиссея с простой и с удвоенной сигмой противопоставить «ахилло-аргивской» песни «ахилло-ахейским» невозможно, так как в последних имя Одиссея вообще не попадает. Буквально в следующем, третьем сверху абзаце написано: «Итак, в *Menis* ("аргивской" "Ахиллеиде") явно преобладают формы *Ἀχιλλεύς*, *Ὀδυσσεύς*, *Πηλεΐδης* (? – В.Ц., В.Ф.), тогда как в «ахейской» «Ахиллеиде» – *Ἀχιλεύς*, *Ὀδυσσεύς*, *Πηλεΐδης* (? – В.Ц., В.Ф.), *Πηλεΐων*». Что же все-таки происходит с формой *Ὀδυσσεύς*: то ли ее в «ахилло-ахейских» песнях нет вовсе, то ли она там преобладает? Должны ли мы верить второму абзацу сверху или третьему?

5. На с. 418, касаясь проблемы так называемой троянской Ликии-Зелеи с ее героем Пандаром, Клейн убеждает, что «их притянули под Трою из легенд и сказок... не те певцы, которые были близки к южным странам» (далее для примера указывается Милет), а какие-то другие, чей «географический кругозор... ограничивался Троадой». Но на с. 429 обнаруживается, что в авторах гомеровских песен об Энее, содержащих, помимо прочего, мотивы Троянской Ликии «многое выдает милетян или вышедших из Милета колонистов?». Нужны ли комментарии⁸?

⁷ Кстати, что касается имени данайцев, едва ли автор прав в своем желании возводить прямоком греч. *Δαναοί* к названию южноанатолийского племени *Danuna*, егип. *Dnn*, участвовавшего в походах «народов моря» на Египет и какое-то время управлявшегося династами из «дома Мопса», возможно, ахейцами по происхождению. По Клейну, некая пелопоннесская династия Персеидов во времена, когда гремела слава «народов моря», сконструировала себе родство с данунитами через выдуманных предков Даная и Данаю (с. 88). Клейн то ли не знает, то ли не желает считаться с тем, что имя греков-данайцев в форме *ἰν ἄνω* появляется в египетских источниках уже во времена Тутмоса III и Аменхотепа III (середина XV – начало XIV в. до н.э.), задолго до эпохи движения «народов моря», в том числе фигурируя в увязке с названиями городов Крита и ахейского Пелопоннеса (*Helk W. Die Beziehungen Aegyptens und Vorderasiens zur Aegais bis ins 7. Jahrhundert v. Chr. Darmstadt, 1979. S. 29 f., Гиндин, Цымбурский. Гомер... С. 159*). Имя данайцев правдоподобнее рассматривать как отражение ранних греко-индо-иранских контактов в ряду с авестийским названием группы народов *Dānava* также др.-инд. *Dānava* прозванием демонических существ, далее с авест. *dānu* «река, вода», осет. *дон* то же, др.-инд. *dānu* «поток» и названиями многих рек Северного Причерноморья от той же основы (*Kretschmer P. Zum Balkan-Studien // Glotta. 1936. 24*). Особенно любопытно такое распространенное во всем раннегреческом ареале гидронимическое образование, как троян. *Ἀπίδανος*, фессал. *Ἀπίδανος*, фрак. *Ἠπίδανος*, аркад. *Ἀπίδων*, откуда прозвище аракадян *Ἀπίδωνες*, или *Ἀπίδωνης* (*Strabo. VIII. 6, 9; St. Byz. s.v.*), отражающее композит *ара-*dānu* «ток вод» с многочисленными ведийскими параллелями (*Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххиява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 23 сл.*).

⁸ Одно замечание, впрочем, мы на эту тему себе позволим. В своей готовности объявить Троянскую Ликию изобретением «певцов, пересадивших ликийцев на север без повода и резона», Клейн следует мнению ряда авторитетных гомероведов прошлого (см., например: *Nilsson M. Homer and Mysenae. L., 1933. P. 261*). Правда, П. Кречмер, на чье высказывание в этом духе от 1896 г. ссылается наш автор, под конец жизни пересмотрел свое мнение, допуская в Троаде ликийский инфильтрат (*Kretschmer P. Achaer in Kleinasien zur Hethiterzeit // Glotta. 1954. 33. S. 24*). Последние исследования по топонимике Троянской Ликии обнаружили в этой области ряд лувийских языковых рудиментов, а также архаичных форм,

Право же, какой-нибудь аналитик, не решаясь расценивать все эти случаи как проявления «плюрализма в одной голове», мог бы подумать, что под именем Льва Самойловича Клейна скрываются два или больше сочинителей, не сумевших найти общего языка, а также редактор-контаминатор, не осиливший задачу сгладить их разногласия. Вообще, раз уж возникло это слово – «редактор», следует серьезно пожалеть о том, что книга выпущена издательством Санкт-Петербургского университета в авторской редакции. Конечно, даже опытный редактор едва ли избавил бы книгу от множества «когнитивных диссонансов» вроде только что перечисленных, но он, может быть, не допустил бы таких ляпов, как навязчивое употребление формы «Геракл», когда речь явно идет о Гекторе (с. 37, 302, 305, причем на с. 302 – дважды). Или совершенно иррационального высказывания на с. 334, где в связи с греческим почитанием героев заявляется, будто христианские святые и блаженные, вокруг мощей которых также возникали культы, «ведь тоже по сути являются полубогами; лучше всего это явствует из того, что подобные функции исполняют Христос и Богородица» (если Л.С. Клейн склонен считать Христа и Богородицу за «полубогов», он должен был бы по крайней мере признать, что их культ возник не «вокруг мощей», а вокруг отсутствия мощей – это несколько меняет картину).

Важная составляющая книги Клейна – математические выкладки: таблицы занимают в ней более 40 страниц. Может быть, здесь после всех противоречий и натяжек мы найдем, наконец, строгую логику и научную акрибию? К сожалению, даже у авторов этих строк, не специалистов по статистике, математический раздел вызывает множество недоуменных вопросов⁹.

1. Самые основы, на которых базируются подсчеты Клейна, сомнительны: исследователь пользуется традиционным делением «Илиады» на книги (песни). Вместо того, чтобы работать с текстом напрямую и искать, какие границы присутствуют в нем объективно, Клейн довольствуется субъективным делением, созданным в более позднюю, эллинистическую эпоху. Само по себе это деление неплохо и во многом удобно, но не для целей Клейна. Если он хочет разъять текст на пласты, зачем передоверять половину работы александрийским филологам, которые едва ли согласились бы с аналитическими идеями? Здесь Клейн напоминает хирурга, который режет тело не по анатомическому атласу, а по контурам татуировки.

Исследователь ссылается на то, что делением на книги уже раньше пользовались для подсчетов, и что оно, по мнению Пэрри, «не такое уж плохое» (с. 33), но цель и декларируемые методы исследования у Клейна – иные, чем у предшественников, причем они предполагают знакомство автора с математической статистикой, а не просто использование самого этого термина.

В статистике существуют специальные методы фрагментации протяженного объекта; без них любое исследование будет некорректным. Следовало бы с помощью этих методов поделить «Илиаду» на части разными способами: по этнонимам, топонимам, частицам и т.д. Затем получившиеся результаты можно было сравнить опять-таки с помощью особых процедур. Один из примеров удачного применения математических методов к античному эпосу – дипломная работа Д.А. Литвинова «Перспективы применения статистического метода и компьютерной техники для атрибуции и датировки латинских гекзаметрических сочинений», защищенная в 1997 г. на классическом отделении филологического факультета МГУ. В ней, очевидно, впервые применяется статистический метод «скользящего среднего» для определения границ в античных гекзаметрических текстах. В некоторых случаях автору удалось достичь значительных результатов: границы в тексте видны с несомненностью. Клейн не мог воспользоваться ни результатами исследования Литвинова, ни работами одного из авторов этих заметок¹⁰, но сами эти методы были изобретены задолго до написания «Анатомии». Клейн не считал нужным ими воспользоваться.

Деление на книги могло бы фигурировать в статистических выкладках только в том случае, если бы оно само являлось предметом исследования. Здесь же оно играет роль возмущающего

связующих ее изоглоссами с хетто-лувийским и регионами древней Анатолии. Все это дало повод предполагать в данной местности для II тыс. до н.э. скорее некий очень старый праликийский анклав, возможно, сохранявшийся от времен передвижения лувийских племен со стороны Причерноморья и Балкан через проливы и малоазийский северо-запад к местам исторического обитания. См. Гиндин, Цымбурский. Гомер... Гл. 6. Лувийцы в Трое.

⁹ Авторы приносят глубокую благодарность Александру Владимировичу Прохорову, профессору кафедры математической статистики и случайных процессов механико-математического факультета МГУ за ценные советы и консультации.

¹⁰ См., например, *Файер В.В.* «Каталог кораблей». Форма и содержание // Образ мира – структура и целое. Материалы международной научной конф. «Лосевские чтения». М., 1999. С. 568–569.

фактора, который непредсказуемым образом влияет на результаты. Если бы александрийские редакторы, которые по Клейну действовали «произвольно... с весьма приблизительным учетом смысловых цезур» (с. 33), передвинули границу между четвертой и пятой книгами лишь на несколько строк назад, то это повлияло бы, например, на внешний вид табл. 22 (с. 479): «умеренно-ахейская» IV песнь оказалась бы в ней второй с «данайского» конца, т.е. почти самой «данайской».

2. Всякому, кто читал хотя бы несколько страниц «Илиады» по-гречески, памятна гибкость и богатое разнообразие гомеровского языка. У Гомера можно найти десятки примеров синонимии на уровне фонетики, морфологии и лексики. Почему же Клейн выбрал именно эти несколько оппозиций? Не потому ли, что они хотя бы отчасти соответствуют его гипотезе? Может быть, прочие синонимы утратили свой «данайский» или «ахейский» колорит в ходе «сглаживающего редактирования», но в таком случае можно доказать *любое* членение «Илиады». Действительно, если многочисленные синонимы распределены в тексте случайно, то для самой революционной аналитической гипотезы можно будет найти наглядное подтверждение. Мы наугад взяли пару τόσος — τόβος, обработали ее по методу Клейна и убедились в том, что она не подтверждает деление на «данайские» и «ахейские» книги. Впрочем, у Клейна не две группы книг, а гораздо больше (еще «аргивские», а «ахейские» делятся на «сугубо-» и «умеренно-ахейские», а также на «ахилло-ахейские» и «сборно-ахейские»), так что для выделения какой-нибудь их этих групп может подойти, пожалуй, любая пара синонимов.

3. Статистические формулы начинают действовать тогда, когда число исследуемых событий достаточно велико. Если мы бросаем монету миллион раз, то «орел» выпадает примерно в половине случаев. Но если мы бросили ее только дважды, то «орел» может или вообще не выпасть или, наоборот, выпасть оба раза. Этот результат не будет означать, что найден новый беспримысленный способ игры в «орлянку».

Когда Клейн изучает распределение трех названий греческого войска, числа достаточно велики, чтобы с ними можно было оперировать, но в остальных случаях это не так. Например, в семи книгах «Илиады» осажденный город поименован от одного до трех раз. В подобных случаях считать, во сколько раз Илион упоминается чаще Трои, просто нет смысла. Клейн же, хотя и снабжает эти индексы знаком «?», пользуется ими наравне с остальными. Думается, при такой низкой границе надежности почти треть «Илиады» нужно исключить из подсчетов.

Но есть и еще более редкие слова, на которых Клейн пытается строить свою статистику. Предлог *потί* встречается в «Илиаде» всего 28 раз. Клейн высчитывает отношение к нему предлогов *πρός* и *πρότι* (вместе 164 раза; см. с. 475). В каждой книге «Илиады» *потί* встречается от нуля до трех раз. Ясно, что самое ничтожное изменение этого числа радикально скажется на результатах. Предположим, например, что в 683-м стихе XI книги *πρότι* стоит по ошибке вместо *потί* (метрика это позволяет). Тогда индекс *р* для XI книги из 10 (10/1) превратится в 4,5 (9/2), а вся книга из «данайской» части табл. 19 переместится в самый центр «ахейской» части! Почему же «фольклорист» Клейн так доверяет *каждой* букве текста, который претерпел многочисленные влияния и, наконец, «прошел через сглаживающее редактирование»?

Но даже и без всяких допущений о возможной замене буквы наши подсчеты (по последнему изданию: T.W. Allen. Oxf., 1931 в компьютерном тезаурусе TLG) не соответствуют клейновским (по: A. Gering. Index Homericus. Lipsiae, 1891 и H. Ebeling. Lexicon Homericum. T. I–II. Lipsiae, 1885–1889). По нашим данным *потί* встречается не 28, а 31 раз, что заметно влияет на статистику. Так, «ахейская» XXII книга и XVII «данайская» перемещаются в противоположные части таблицы, как бы в стан врага. В шутку можно было бы сказать, что это несколько напоминает сюжет «Долой», с той оговоркой, что обе разведывательные партии успешно достигли тыловых позиций противника.

Даже если наши подсчеты неверны, очевидно, что любое новое издание «Илиады», даже самое консервативное, любой новонайденный папирус, могут радикально сказаться на данных Клейна.

4. Автор «Анатомии» склонен противопоставлять себя общему мнению не только в гуманитарных вопросах: на с. 99 он пишет: «В математике делить на ноль нельзя». А в «Анатомии...» можно? Оказывается, да! «Если ноль появляется в делителе или в делимом, — рассуждает Клейн, — частное имеет разный вес в зависимости от других чисел отношения» (с. 99–100). Иными словами, 1/0 — бесконечность и 7/0 — тоже бесконечность, но эти бесконечности — разные. В математике действительно иногда сравнивают бесконечности, хотя и не в таких случаях, но Клейн идет гораздо дальше: он хочет вставить все эти бесконечности в таблицу наравне с обычными числами!

Это выглядит так: запись $1/0$ Клейн «преобразует» в 1∞ , а $7/0$ – в 7∞ (с. 100 и в табл. 18, 19, 24 и др.). Видимо, это следует читать «одна бесконечность» и «семь бесконечностей». После столь странной процедуры Клейн как бы забывает о знаке ∞ : «семь бесконечностей» стоят в таблицах там, где должно было быть просто 7! При такой арифметике III книга (индекс 1∞) оказывается рядом с VII (индекс 1) в «ахейском конце» табл. 19. Итак, по Клейну «одна бесконечность» оказывается меньше, чем число 2.

Не менее странно Клейн поступает с формулами типа $0/1$. На с. 99 он пишет: «Если делимое – ноль, то и частное – ноль», что справедливо. Но уже на следующей странице он предлагает преобразовать формулы типа $0/1$ в $\infty(1)$ ¹¹, т.е. ноль превращается в бесконечность! Чем же мотивированы все эти математические инновации? «Просматривая таблицы, читатель может убедиться в практичности этого приема при упорядочении отношений» (с. 100). Иными словами, при такой арифметике таблицы лучше соответствуют гипотезам Клейна; другого обоснования в тексте нет.

5. Недоумение вызывает и тот способ представления результатов, которым пользуется Клейн. Например, табл. 17, 19, 22 и 25 составлены следующим образом: книги «Илиады» расставлены по убыванию или возрастанию данного коэффициента, а в особой колонке штриховкой показано, к какой этнонимической группе («данайской», «ахейской» и др.) относится книга. В названиях всех этих таблиц используется слово «корреляция» – специальный статистический термин, обозначающий особый вид зависимости. Корреляция двух рядов данных вычисляется по особым формулам, но Клейн ни словом о них не упоминает и не говорит, какой смысл он вкладывает в этот общепринятый термин. Надо полагать, что под «корреляцией» автор понимает некую взаимосвязь, которую нет нужды вычислять, а достаточно показать графически.

Здесь Клейн вновь отказывается от математического аппарата в пользу, скажем так, субъективных выводов и суждений. Что же получится, если мы действительно вычислим коэффициент корреляции¹² двух массивов данных в табл. 17? Предельные значения этого коэффициента по модулю 0 и 1; при 0 данные независимы, а при 1 зависимость существует (прямая или обратная). Значение коэффициента корреляции рангов по индексам α и γ в табл. 17 равно 0,32 по модулю. Это число гораздо ближе к 0, чем к 1, иными словами, топонимы (Илион и Троя) и этнонимы, даже если считать их по методу Клейна, весьма слабо связаны друг с другом.

Почему же при визуальном просмотре табл. 17 создается впечатление, что этнонимы и топонимы связаны? Разгадка кроется в штриховке: Клейн выделил в таблице не все, а *только некоторые* «ахейские» и «данайские» песни! Иначе бы зрителю бросилось в глаза, что, например, «ахейская» часть таблицы начинается с «данайской» XVI книги. Иными словами, «наглядная агитация» Клейна не проясняет, а скрывает реальное положение дел. В одних случаях он выделяет штриховкой все книги, в других – только некоторые; иногда он помечает «сугубо-ахейские» отдельно от «умеренно-ахейских», а иногда дает их одним цветом; где-то вспоминает про «аргивские» книги, а где-то про них забывает. Таким образом, даже если смириться с делением на ноль и прочими математическими новшествами, никакой системной взаимосвязи этнонимов, топонимов, частиц и предлогов мы в таблицах Клейна не увидим.

Математические выкладки Клейна едва ли можно признать хоть сколько-нибудь убедительными. Автор не просто игнорирует статистические методы, но и нарушает элементарные законы математики под видом «практичности», т.е. для соответствия его гипотезам. Он использует сомнительные способы представления своих результатов, так что противоречащие его гипотезе данные затушеваны и не видны при беглом просмотре. Словом, многочисленные цифры и таблицы в «Анатомии «Илиады»» рассчитаны на читателя, который не захочет или не сможет в них разобраться.

¹¹ Исследователь сам путается в своих преобразованиях: «Далее я при делении на ноль за частное принимаю делимое со знаком бесконечности, а если ноль в делителе (вместо «в делимом». – В.Ц., В.Ф.), то я обозначаю частное знаком бесконечности с делителем в скобках» (с. 100).

¹² Точнее, коэффициент корреляции рангов (коэффициент Спирмена). Он считается так: каждому числу назначается «ранг», т.е. порядковый номер, и далее сравниваются порядковые номера двух рядов данных. Формула: $r = 1 - 6 \sum d^2 / (n(n^2 - 1))$, где n – количество пар рангов, d – разность между рангами в каждой паре, Σ – знак суммы. Дело в том, что обычный коэффициент корреляции подходит только для линейных зависимостей, тогда как коэффициент Спирмена применяется для изучения нетривиальных зависимостей. Этот последний коэффициент дает самый утешительный для Клейна результат.

Из всего сказанного отнюдь не следует, что статистика не помогает увидеть различия частей «Илиады». Наоборот, математические методы в этой области очень перспективны, и можно только согласиться с Клейном, что «многие нарекания на статистику и комбинаторику вызваны... разочарованиями от неграмотного применения этих средств, а то и просто бессельного их применения – для орнаментации работ» (с. 17).

Работа с книгой Клейна для читателя-специалиста отчаянно затруднена всей этой массой, мягко выражаясь, спорных, а точнее – саморазрушительных особенностей данного труда. Мы постарались в обзоре с самого начала выдвинуть вперед тот полезный выход исследования, с которым гомероведу, думается, стоит считаться независимо от всех остальных привходящих моментов: этот выход связан с неравномерным распределением по тексту этнонимических обозначений для войска, осаждающего Илион, с открывающимися благодаря этому распределению возможностями интерпретировать генезис текста. К другим ценным частностям в «Анатомии "Илиады"» можно было бы отнести богатые мифологические «справки» по Аяксам и Ахиллу, особенно соображение, вслед за тем же Бете, об Аяксе как гении прибрежий и защитнике кораблей (с. 192–200; возможно, этим проливается свет на исконное значение греч. αἶα «земля»), от которого образовано имя Аякса, также впечатляющую догадку о беге Ахилла и Гектора в XXII песни как о реминисценции ритуального преследования фармаков (с. 319–324). Подобные эвристически значимые пассажи не должны быть забыты после прочтения книги, хотя автор, надо признаться, сделал едва ли не все от него зависящее, чтобы читатель не смог оценить их по достоинству.

В.Л. Цымбурский, В.В. Файер

© 2002 г.

Иисус Христос в документах истории. Составление, статья и комментарии Б.Г. Деревенского. СПб.: Алетеия, 1998. 496 с.

По характеристике самого Б.Г. Деревенского, «настоящее издание представляет из себя свод важнейших исторических документов об Иисусе Христе, как примыкающих к каноническим Евангелиям, так и находящихся вне библейской литературы» (с. 12). Свою антологию составитель сознательно рассматривает как продолжение традиции, начатой в свое время книгами А.Б. Рановича, но в то же время настаивает на принципиальном отличии: «Здесь во главу угла поставлена сама **личность** основателя христианства» (там же), а не социальная среда и условия возникновения христианской религии. На самом деле можно сказать, что представленный в книге материал значительно шире заявленной темы. Так весь первый раздел, озаглавленный «Некоторые сообщения Евангелий в свете истории» (с. 17–40), посвящен свидетельствам, касающимся историчности отдельных событий (римская перепись в Иудее, Вифлеемская звезда, затмение во время распятия Иисуса и др.) и личностей (Лисаний, Квирий, Понтий Пилат), упоминаемых в евангельских текстах. Второй раздел под названием «Иосиф Флавий о Иудее времени Иисуса Христа», если исключить приведенные в нем варианты *testimonium Flavianum* (с. 110–148), состоит из обширных отрывков из «Иудейской войны» и «Иудейских древностей», также не имеющих непосредственного отношения к самой личности Христа (за исключением, естественно, греческого варианта «свидетельства» из Ant. 18.63 – с. 87), но отчасти дающих представление как раз о среде и условиях возникновения христианства (с. 41–110). Наконец, в третьем разделе (с. 149–168) представлены свидетельства римских авторов о Христе, которые и можно рассматривать как «исторические документы» *par excellence*. Помимо хрестоматийных текстов Тацита, Плиния Младшего и Светония, здесь приводятся и так называемые «письма Адриана» Минуцию Фундану и консулу Сервиану, из которых составитель считает подлинным не только первое, но и второе¹ (с. 164), где, собственно говоря,

¹ По меньшей мере опрометчиво голословно утверждать, что «нет причин сомневаться в подлинности этого письма» (с. 164), как это делает Б.Г. Деревенский. Уже Теодор Моммзен совершенно категорично охарактеризовал этот текст как «ein spätes Machwerk» (*Römische Geschichte*. Bd 5. S. 576. Anm. 1; ср. S. 585. Anm. 2). Ср. комментарий в издании Якоби, которым и пользовался Б.Г. Деревенский (*Die Fragmente der Griechischen Historiker*. II. B. Komm. S. 844: *Der Brief ist sicher apokryph*), и в английском издании SHA (*Scriptores Historiae Augustae*. V. 3. Harvard Un. Press, 1982. P. 400. Not. 2: *This letter is clearly not genuine*).